

**ПОЧЕМУ ШПЕТ И ГУССЕРЛЬ
БЕСЕДОВАЛИ О КАНТЕ?
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА)**

Т. Г. Щедрина^{1,2}, И. О. Щедрина³

В процессе работы с архивными материалами Густава Густавовича Шпета одним из авторов настоящей статьи были найдены тетради в черных обложках, в которых он в разное время вел записи (от самонаблюдения до предварительных формулировок мыслей, вошедших впоследствии в том или ином виде в опубликованные или подготавливаемые к публикации труды). В одной из таких тетрадей оказался «Дневник 1913 года», где содержатся очень краткие, написанные торопливым почерком заметки периода непосредственного общения Шпета с Эдмундом Гуссерлем, Львом Шестовым, Натальей Гучковой и др. Понимание смысла этой скорописи требует герменевтической реконструкции, включающей хронологическое сопоставление записей «Дневника 1913 года» с другими архивными материалами (Шпета и его собеседников), а также опубликованными в те годы произведениями Шпета и Гуссерля. Статья представляет результат герменевтической реконструкции одной записи, где приводится тема разговора – о Канте и феноменологии, – состоявшегося между Шпетом и Гуссерлем 30 (17) июня 1913 г. Авторы последовательно раскрывают возможные содержательные тематические пласти их интеллектуальной беседы, акцентируя внимание на «кантовской дилемме», «теории отражения», «психологизме», «чистом "я"», «действительности» и

¹ Московский педагогический государственный университет (МПГУ).
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

² Институт философии РАН.
Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).
Российская Федерация, 105066, Москва, Старая Басманская ул., д. 21/4.
Поступила в редакцию: 07.06.2025 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-3-4

**WHY DID SHPET AND HUSSERL
TALK ABOUT KANT?
(BASED ON ARCHIVE MATERIALS)**

T. G. Shchedrina,^{1,2} I. O. Shchedrina³

While working on the archive materials of Gustav Gustavovich Shpet, one of the authors of this article came across notebooks in black covers in which, over the years, he had made entries (ranging from self-observations to tentative formulations of his thoughts which became part in one form or another of works that were later published or prepared for publication. One such notebook was the “1913 Diary”, which contains hurried jottings belonging to the period when Shpet was in direct communication with Edmund Husserl, Lev Shestov, Natalia Guchkova and others. Understanding the meaning of these hasty notes requires hermeneutic reconstruction, including chronological comparison of the “1913 Diary” with other archive materials (dating from Shpet and his interlocutors) as well as the works of Shpet and Husserl published at that time. The article presents the results of the hermeneutic reconstruction of one entry which deals with the theme of the conversation about Kant and phenomenology that took place between Shpet and Husserl on 30 (7) June 1913. The authors sequentially uncover the possible thematic layers of their intellectual conversation, dwelling on such topics as “the Kantian dilemma”, “the reflection theory”, “psychologism”, “pure ego”, “reality” and “experience”. Each problem involves, in one way or another, their assessment of Kant’s philosophical journey (especially

¹ Moscow Pedagogical State University (MPGU).
1/1 Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119991, Russia.

² Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
12/1, Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russian Federation.

³ HSE University.
21/4, Staraya Basmannaya st., Moscow, 105066, Russia.
Received: 07.06.2025.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-3-4

«опыте». При этом каждая проблема включает, так или иначе, их оценку кантовского пути в философии (особенно в теории познания). В качестве актуально-го современного контекста выступает философия и методология науки, поскольку «разговор» Шпета и Гуссерля позволяет сегодня переосмыслить такие важные проблемы этой области знания, как «человекоразмерность», «историзм» и преемственность.

Ключевые слова: Г. Шпет, Э. Гуссерль, И. Кант, феноменология, архив, реконструкция, философия науки, человекоразмерность

К «феноменологическому» периоду (1912–1914) интеллектуальной биографии Густава Густавовича Шпета можно отнести четыре из «Черных тетрадей»⁴. Первая тетрадь – это «Дневник 1913 года», во второй содержатся конспекты лекций и семинаров Э. Гуссерля⁵, а в третьей и четвертой – наброски, формулировки проблем и вопросов, которые он затем будет развертывать в тексты⁶.

В «Дневнике 1913 года» сохранилась запись от 30 (17) июня 1913 г.: «Вечер от восьми – у Гуссерля – Abendessen – I – Говорили о Канте и феноменологии» («Черная тетрадь 1», семейный архив Г. Г. Шпета). При чтении такого рода документа всегда задаешься вопросом: «А каков был смысл их разговора?» «О Канте и феноменологии» можно говорить очень по-разному. Причем разговор – это не только «возделывание» общего тематического поля, но и понимание

⁴ Заметим, что тетради в черном кожаном переплете Шпет и Хайдеггер покупали, вероятно, у одного производителя, но записывали в них разные мысли.

⁵ Первая и вторая тетради хранятся в семейном архиве Шпета, не нумерованы.

⁶ См.: ОР РГБ, ф. 718, оп. 6, ед. хр. 9 (нумерация всех тетрадей сплошная). Далее по тексту ссылки на листы именно из этих тетрадей будут даны в круглых скобках с указанием листа (Черные тетради, л. ...). Материалы «Черных тетрадей» готовятся нами к публикации.

⁷ Шпет был доволен этой беседой, о чем свидетельствует цифра I. Он каждый день отмечал свое душевное состояние (в зависимости от пережитого) по трехбалльной шкале. Цифра I – состояние отличное (душевный подъем).

in the theory of cognition). The modern context is provided by the philosophy and methodology of science, since the “conversation” between Shpet and Husserl throws new light on such key problems in the theory of knowledge as “human-sizedness”, “historicity” and continuity.

Keywords: Gustav Shpet, Husserl, Kant, phenomenology, archive, reconstruction, philosophy of science, human-sizedness

Four of the “Black Notebooks”⁴ can be referred to the “phenomenological” period of Shpet’s intellectual biography (1912–1914). The first is the “1913 Diary”, the second contains notes of the lectures and seminars of Edmund Husserl,⁵ and the third and fourth have sketches, formulations of problems and questions which would then be developed into texts.⁶

The “1913 Diary” has a note dated June 30 (17) which reads: “Evening from eight – at Husserl’s – Abendessen – I,⁷ talked about Kant and phenomenology” (“Black Notebook I”, Gustav Shpet Family Archive). Reading such a document, the question suggests itself, “What was the sense of their conversation?” One can talk about “Kant and phenomenology” in very many different ways. The conversation is not just “cultivation” of a common thematic field,

⁴ It is worth noting that Shpet and Heidegger probably purchased notebooks in black covers from the same producer, though the thoughts they wrote down in them were not the same.

⁵ The first and second notebooks are in the Shpet family archive, unnumbered.

⁶ See Manuscript Department, Russian State Library, f. 718, inv. 6, no. 9 (pages are numbered continuously through all the notebooks from the first one to the last). Elsewhere references from sheets of these very notebooks are given in round brackets with indication of the sheet (Black Notebooks, sheet...). We are in the process of preparing the “Black Notebooks” for publication.

⁷ Shpet was pleased with the conversation, as witnessed by the number I. He rated his mental state every day (depending on the day’s experience) on a three-point scale. The number I meant excellent state (spiritual uplift).

собеседниками (а значит, и исследователями) разности своих конкретных мировоззренческих и исторических контекстов. Поэтому, поставив в название статьи вопрос «почему?», мы тем самым хотели подчеркнуть философичность и принципиальную открытость ответов на него. И конечно, в силу того, что мы работали с архивными материалами Г. Г. Шпета, ответы на этот вопрос, предложенные нами, будут прежде всего фундированы именно его философской позицией и тем, как он понимал Канта, Гуссерля и его феноменологию того периода (позиция Гуссерля будет учитываться нами с опорой на те издания «Философии как строгой науки», «Логических исследований» и «Идей I», которые были доступны в тот момент, поскольку разговор состоялся в июне 1913 г.).

«Дневник 1913 года» это — сложная скоропись, попытка схватить в одном ключевом слове сиюминутное событие и в этом схватывании зафиксировать свое отношение к этим событиям, выраженным в переживаниях. Такого рода дневниковые записи требуют от исследователя особого — герменевтического — способа работы. Мы как бы достраиваем содержание их разговора, учитывая голоса других из общей для наших персонажей «сфера разговора», а также соотнося эти короткие заметки Шпета с записями из других его «Черных тетрадей», с опубликованными произведениями, подготовленными к публикации рукописями и эпистолярным наследием. Причем в процессе такой реконструкции мы не только исходим из того, что было значимо для наших исторических собеседников — Шпета и Гуссерля, но оцениваем волновавшие их проблемы также исходя из современного нам контекста. Именно наша современная ситуация «живого настоящего», обращенного в прошлое, дает нам возможность понять и оценить эпистемологический потенциал их интеллектуальной беседы и тем самым реконструировать ее современный смысл⁸.

⁸ Подробнее об этих принципах см.: (Хайдеггер, 2012).

but awareness of the interlocutors (hence the researchers) of their different concrete world-views and historical contexts. So, by putting the question “why?” in the title of the article we wanted to stress the philosophical character and inherent openness of the answer. Needless to say, because we worked with Gustav Shpet’s archive materials, our answers to this question are based above all on his philosophical position and on how he understood Kant, Husserl and his phenomenology of that period (we proceed from the editions of *Philosophy As Rigorous Science*, *Logical Investigations*, and *Ideas I* which were available at that time, the conversation having taken place in June 1913).

“1913 Diary” is a complex piece of hasty writing, an attempt to capture in one key word a here-and-now event and fix one’s attitude towards the events expressed through experiences. Such diary entries demand from the researcher a special — hermeneutic — method of work. We top up, as it were, the content of their conversation, bearing in mind the voices of others in the “sphere of the conversation” that is shared by our protagonists. This correlates Shpet’s brief notes with entries in his other “Black Notebooks” with the published works, manuscripts prepared for publication and his letters. In the process of reconstruction we proceed not only from what was relevant for our historical interlocutors — Shpet and Husserl — but look at the problems that engaged their minds from the vantage point of today. The situation of “the living present” turned toward the past enables us to understand and evaluate the epistemological potential of their intellectual conversation and thus reconstruct its modern meaning.⁸

We want to answer the question raised in the title of this article proceeding from the context of the present-day philosophy of science. This is why we pay attention to what might

⁸ For more on these principles see Heidegger (2001).

Мы хотим ответить на вопрос, поставленный в названии статьи, исходя из контекста современной философии науки, а потому обращаем внимание на то, что могло бы стать в этом ракурсе и для Гуссерля, и для Шпета основанием для разговора. Мы полагаем, что таким полем является современная им наука. Как и современная система научных дисциплин, немецкая наука в начале XX в. проходила период серьезных трансформаций. Разумеется, как характер этих трансформаций, так и их темп тогда и сейчас были различны. Однако одним из важнейших изменений было превращение науки в социальный институт. Этот процесс начался на глазах Гуссерля и Шпета, исторически прослеживать динамику этого превращения мы продолжаем и сегодня.

Сегодня мы понимаем, что в классической теории познания исторический подход связывался с субъективизмом и релятивизмом. Так было и для наших героев. Поэтому Гуссерль в первом томе «Логических исследований» пытается найти выход из тупиков психологизма в логике, а в первой части второго тома связывает этот поиск с проблемой языка философской логики. «Необходимость начинать рассмотрение логики с рассмотрения языка, — писал он в первой фразе второго тома, — (с точки зрения логики как технического учения) признавалась неоднократно» (Гуссерль, 2024б, с. 15). И далее приводится позиция Милля, полагавшего, что «язык... это, безусловно, одно из основных орудий или средств мышления; и всякое несовершенство орудия или способа его употребления, по общему признанию, еще более, чем в других случаях, вносит беспорядок и препятствует процессу [мышления] и уничтожает всякое основание доверять его результатам» (Там же). Тут же Гуссерль уточняет, что «более глубокое основание необходимости начинать логику с анализа языка Милль видит в том, что иначе не было бы возможности исследовать значение утверждений — предмет, который является исток самой нашей науки» (Там же). Тем самым

have prompted that conversation. We believe that the science of their time could have served as the ground for it. Like the modern system of science disciplines, German science in the early twentieth century was going through a period of serious transformations. Needless to say, the character and pace of these transformations then and now were different. Still, one of the main changes then and now is that science has become a social institution. Husserl and Shpet witnessed the beginning of this process, and we today continue to trace the historical dynamics of this transformation.

Today we understand that in the classical theory of knowledge the historical approach was associated with subjectivism and relativism. This is also true for our major historical figures. That is why Husserl in the first volume of *Logical Investigations* tries to find a way out of the blind alleys of psychologism in logic and in the first part of the second volume links it with the problem of the language of philosophical logic. “The necessity that we should begin logic with linguistic discussions”, he wrote in the first sentence of volume two, “has often been acknowledged from the standpoint of a logical technology” (Husserl, 2001a, p. 165). And he goes on to quote Mill who believed that “Language [...] is evidently one of the principal instruments or helps of thought; and any imperfection in the instrument, or in the mode of employing it, is confessedly liable, still more than in almost any other art, to confuse and impede the process, and destroy all ground of confidence in the result” (*ibid.*). Husserl hastens to point out that “A deeper ground for this necessity of beginning logic with linguistic analysis is seen by Mill in the fact that it would not otherwise be possible to investigate the meaning of propositions, a matter which stands ‘at the threshold’ of logical science itself” (*ibid.*). Thus, it can be said that Husserl considered the modes of expressing knowledge to be the cause

можно сказать, что Гуссерль видел проблемы современной ему науки в способах выражения познанного⁹. Не менее внимательно относился к происходящему в научном познании Шпет, но его интерес к «Логическим исследованиям», «Идеям I» и феноменологии в целом был фундирован «исторической проблемой», характерной для эпистемологического стиля русской интеллектуальной культуры. Поэтому вполне вероятно, что в ходе разговора они могли обсуждать «идею универсальной грамматики» в самом широком смысле и в этом контексте имя Канта могло возникнуть в связи с его понятием «чистого естествознания»: по крайней мере, именно таким путем двигался Гуссерль в первой части второго тома «Логических исследований» (Гуссерль, 2024б, с. 372).

В «Дневнике 1913 года» Шпет неоднократно упоминает имя Канта, когда хочет зафиксировать, с каким историческим собеседником он работает (чи труды читает и анализирует). Судя по его плану работы 1912 г. (Густав Шпет..., 2005, с. 168), в июне 1913 г. Шпет мог писать главы второй части фундаментального труда «История как проблема логики»¹⁰ (где как раз речь идет о Канте в контексте Гуссерлевой феноменологии). Интересно также и то, что каждый раз возле имени Канта появлялась оценка переживаний «II», то есть Шпет, читая Канта, не был полностью удовлетворен (или своими ожиданиями, или своим способом выражения). Какого-либо обстоятельный анализа или содержательных оценок философии Канта мы не встретим здесь.

Зато в «Черных тетрадях» сохранились и содержательные заметки, касающиеся «кантовской дилеммы» (см. об этом: Щедрина, Щедрина, 2022) и ее истолкования в контексте феноменологического понимания. Вероятнее

⁹ Причем для нас важно, что Гуссерль по своим методологическим установкам принадлежал к кантианской модели философии языка. См.: (Михайлов, 2024).

¹⁰ Опубликована только в 2002 г., уточненная версия на основе детальной археографической работы — в 2016 г.

of the problems of science.⁹ Shpet was no less attentive to what was happening in scientific cognition, but his interest in *Logical Investigations*, *Ideas I* and phenomenology in general sprang from the “historical problem”, characteristic of the epistemological style of the Russian intellectual culture. It is quite possible that they discussed “the idea of a universal grammar” in the broadest sense and in that context Kant’s name may have cropped up in connection with his concept of “pure natural science”: at any rate, this was the path Husserl (2001b, p. 75) followed in the first part of volume two of *Logical Investigations*.

In the “1913 Diary” Shpet mentions Kant repeatedly each time he deems it necessary to indicate what kind of historical interlocutor he is engaged with (Shpet reads Kant’s works and analyses them). Judging from his work plan in 1912 (Shchedrina, 2005, p. 168), in June 1913 he may well have been writing chapters of part two of his fundamental work *History as a Problem of Logic*¹⁰ (in which he looks at Kant in the context of Husserl’s phenomenology). Interestingly, each time Shpet marks his experiences in connection with Kant as “II”, which means that when reading Kant Shpet was not entirely happy (about his expectations or his mode of expression). We do not find here any serious analysis or substantive assessments of Kant’s philosophy.

By contrast, the “Black Notebooks” contain substantive comments on the “Kantian dilemma” (cf. Shchedrina and Shchedrina, 2022) and its interpretation in the phenomenological context. Most probably this was the theme of the conversation “about Kant and phenomenology” between Shpet and Husserl, the theme Shpet then developed in <the Introduction>

⁹ For our purpose it is important that Husserl’s methodological principles belonged to the Kantian model of the philosophy of language. Cf. Mikhailov (2024).

¹⁰ Not published until 2002, the version verified through detailed archeographic work not until 2016.

всего, именно эта тема стала предметом разговора «о Канте и феноменологии» Шпета и Гуссерля, а затем Шпет развил ее во <Введении> ко второй части «Истории как проблемы логики»¹¹, где «кантовская дилемма» представлена именно в контексте феноменологии Гуссерля.

Так, сохранилась запись, датированная 20 (7) декабря 1912 г. (за полгода до реконструируемой беседы): «NB! В *Abbildtheorie*¹² важно вообще не то, есть понятие — образ или знак предмета (или <интуиции>), а то, соответствует ли понятие предметам или предмет понятиям. Тут суть и смысл! Тут и кантовская дилемма. Почему и возражения Гуссерля не против этой теории. Например, в ее “сущи” он сам ее и разделяет» (Черные тетради, л. 261).

Чтобы пояснить эту запись Шпета, посмотрим, как он истолковывает «копернианство» Канта во Введении ко второй части «Истории...», опираясь на кантовскую же формулировку «дилеммы»:

Наиболее ясно мысль Канта сформулирована им в предисловии ко второму изданию «Критики», где в формулировку входит и аргумент, направленный против одной из альтернатив: «...я принужден допустить одно из двух: или понятия, посредством которых я произвожу это определение предмета, сообразуются с предметом, и тогда я опять попадаю в

¹¹ Эта гипотеза подтверждается, если сопоставить с этим <Введением> записи о Канте в «Черных тетрадях».

¹² *Abbildtheorie* («теория образов», «теория отображения», также: «теория репрезентации») — в немецкой философии это обозначение объединяет пласт вопросов теории познания, касающихся взаимоотношения «реальности» и «разума» (в зависимости от системы также: «интеллекта», «души», «психики», «сознания» и т.п.); а) онтологического статуса образов «реальности»; б) способа получения таких «образов» (иногда — в форме проблемы абстракции); в) их «адекватности» (то есть соответствия отображаемой реальности). В конце XIX — начале XX в. как неокантианство, так и феноменология Гуссерля отказываются от исходной модели теории образов, то есть от позиции, согласно которой предмет познания существует независимо от познающего субъекта, существует на него и отображается им. Подробнее см.: (Nieraad, 1970).

to the second part of the *History*,¹¹ in which the “Kantian dilemma” is discussed in the context of Husserl’s phenomenology.

Thus, an entry dated 20 (7) December 1912 (six months before the conversation being reconstructed here) reads: “NB! In *Abbildtheorie*¹² in general what is important is not whether the concept is an image or a sign of the object (or <intuition>) but whether it is the concept that corresponds to objects or the object to concepts. This is the gist and the meaning! This is the Kantian dilemma. Which is why Husserl’s objections are not to the theory. For example, he himself shares it in its “essence” (Black Notebooks, sheet 261).

To explain this entry of Shpet, let us see how he interprets Kant’s “Copernicanism” in the Introduction to the second part of the *History*, proceeding from the Kantian formulation of the “dilemma”:

Kant’s idea is most clearly formulated in the preface to the second edition of the *Critique* which contains also the argument against one of the alternatives: “[...] I can assume either that the *concepts* through which I bring about this determination also conform to the objects, and then I am once again in the same difficulty about how I could know anything about them *a priori*, or else I assume that the objects, or

¹¹ The hypothesis is borne out by the comparison of this <Introduction> with the entry on Kant in the “Black Notebooks”.

¹² *Abbildtheorie* (“the theory of images,” also : “the theory of representation”) in German philosophy refers to the body of questions of the theory of cognition which have to do with the relation between “reality” and “reason” (depending on the system also: “intellect”, “soul”, “psyche”, “consciousness”, etc.): a) ontological status of the images of “reality,” b) method of obtaining such images (sometimes in the form of the problem of abstraction); c) their “adequacy” (i.e. conformity with the reality reflected). In the late nineteenth and the early twentieth centuries both Neo-Kantianism and Husserl’s phenomenology renounce the initial model of the theory of images whereby the object of cognition exists independently from the cognising subject, influences the latter and is reflected by the latter. For more detail see Nieraad (1970).

прежнее затруднение относительно того, как я могу *a priori* знать об этом что-нибудь, или, наоборот, предметы, т.е., что одно и то же, *опыт*, служащий единственным источником познания предметов (как данных), сообразуется с этими понятиями». *Кант И.* <Критика чистого разума / пер. Н. О. Лосского. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1907>. С. 13 (Шпет, 2016, с. 23–24).

В контексте этого рассуждения из <Введения> ко второй части «Истории как проблемы логики» отчасти проясняется смысл приведенной записи Шпета из «Черных тетрадей». Но еще более четким он становится, если обратиться к «Логическим исследованиям» Гуссерля (к его рассуждениям о «теории отражения»), которые Шпет фактически и имеет в виду в той записи. Для Шпета важно, что Гуссерль не критикует теорию отражения как таковую, но показывает в первой части второго тома «Логических исследований» (Гуссерль, 2024б, с. 458) необоснованность ее фундамента. Эта концепция, по мнению Гуссерля,

полностью упускает из виду самый важный пункт, а именно что в акте представления как отражения (im bildlichen Vorstellen) на основе являющегося «объекта-образа» («Bildobjekt») мы имеем в виду отраженный (abgebildet) объект («основу образа» («Bildsujet»)). Однако образность (Bildlichkeit) объекта, функционирующего как образ, не есть, очевидно, [его] внутреннее свойство (не есть «реальный предикат»), как будто объект, как он, например, является шарообразным, является еще и образным. Каково же основание для того, что мы можем выйти за пределы данного лишь в сознании «образа» и отнести его в качестве образа к определенному объекту, который чужд сознанию? Указание на подобие между образом и вещью не продвинет нас дальше. Это подобие, по крайней мере если вещь действительно существует, без сомнения, имеет место как объективный факт (Там же, с. 458–459).

what is the same thing, the *experience* in which alone they can be cognized (as given objects) conforms to those concepts" *Kant I.* <*Critique of Pure Reason*. Translated [into Russian] by N. O. Lossky. St. Petersburg: Printed by M. M. Stasyulevich, 1907>. p. 13¹³ (Шпет, 2016, pp. 23–24).

This reasoning in the <Introduction> to the second part of *History as a Problem of Logic* goes some way to clarify the above-quoted entry of Shpet in the “Black Notebooks”. But the message becomes clearer still if we turn to Husserl’s *Logical Investigations* (his thoughts about “the theory of reflection”) which Shpet actually has in mind. It is important for Shpet that Husserl does not criticise the theory of reflection *per se*, but shows in the first part of the second volume of *Logical Investigations* (Husserl, 2001, p. 125) that its foundation is untenable. The concept, in Husserl’s opinion, entirely ignores a most weighty point: that in a representation by images the represented object (the original) is meant, and meant by way of its image as an apparent object. This representative character is, however, no “real predicate”, no intrinsic character of the object which functions as image: an object is not representative as, e.g., it is red and spherical. What therefore enables us to go beyond the image which alone is present in consciousness, and to refer to the latter as an image to a certain extraconscious object? To point to the resemblance between image and thing will not help. It is doubtless present, as an objective matter-of-fact, when the thing actually exists (*ibid.*).

In other words, the likeness of image and object as a necessary condition of cognition remains in phenomenology, but the understanding of the objects compared changes.

Whereas Kant, according to Shpet (2016, p. 26), ascribed its laws to objects “despotically” and hoped that his system of cognition

¹³ Cf. *KrV*, B XVII; Kant, 1998, p. 111.

Иными словами, подобие образа и предмета как обязательное условие познания остается в феноменологии, меняется понимание соотносимых предметностей.

И если Кант, как писал Шпет, предписывал предметностям «свои законы деспотически» (Шпет, 2016, с. 26) и надеялся, что построенная им система познания «навсегда сохранит... неизменность» (Кант, 1907, с. 21), то Гуссерль и Шпет уже отчетливо понимали пределы кантовского подхода, поскольку в собственной философской работе им приходилось постоянно опираться на передовые научные открытия своего времени, а также в целом на практику научных исследований тех лет, предполагавшую, что ученые постоянно имеют дело со сложными динамичными предметностями. Впрочем, к осознанию ограничений философии Канта оба философа приходили различными путями. Гуссерль шел к этому выводу, уточняя понятие логического (и, в частности, конкретизируя концепцию формальной логики¹³). Поэтому он согласен с Кантом в том, что «науки... искажаются, если дать сплести их границам» (Гуссерль, 2024а, с. 34). Шпет приходит к осознанию ограниченности кантовского подхода, двигаясь от «неформальной логичности» истории как знания, и потому связывает большую заслугу Канта для решения проблемы познания с его формулировкой понятия «трансцендентальное» (Шпет, 2016, с. 20). Поскольку для Шпета и Гуссерля на передний план выходила именно логика (как особый язык, как способ выражения познанного), поскольку они не могли обойти вниманием и проблему истины, особенно на фоне меняющейся на их глазах науки. Однако для Шпета было уже очевидно еще и то обстоятельство, что жесткое различение рассудка и чувственности не дало Канту возможности понять целостное историческое познание как истинное.

¹³ См. об этом выступление И. А. Михайлова на круглом столе, посвященном изданию русского перевода «Логических исследований» Э. Гуссерля (Пружинин и др., 2025, с. 14).

would “henceforth maintain itself in [...] unalterability” (*KrV*, B XXXVIII; Kant, 1998, p. 120), Husserl and Shpet were aware of the limits of the Kantian approach because they, in their own philosophical work, constantly relied on advanced scientific discoveries of their time and generally on the practice of scientific research of those years which assumed that scientists constantly deal with complex dynamic objects. Having said that, the two philosophers arrived at the awareness of the limitations of Kant’s philosophy by different paths. Husserl came to this conclusion by tweaking the concept of the logical (in particular, by specifying the concept of formal logic¹⁴). He therefore agrees with Kant that “[w]e [...] rather subvert the sciences, if we allow their boundaries to run together” (Husserl, 2001a, p. 13). Shpet (2016, p. 20) becomes aware of the limitations of the Kantian approach proceeding from the “informal logic” of history as knowledge and therefore links Kant’s contribution to the solution of the problem of cognition with his formulation of the concept of the “transcendental”. Because for Shpet and Husserl logic (as a special language, a means of expressing knowledge) came to the fore, they could not sidestep the problem of truth, especially against the background of science that was changing before their eyes. However, Shpet already understood that a sharp distinction between reason and senses prevented Kant from regarding holistic historical cognition as being true cognition.

We should also keep in mind that at the time of the conversation we are here concerned with *Ideas I* had already been published: Shpet studied it closely and had started to “translate” them into his own philosophical thesaurus and creating his *Appearance and Sense*. Shpet perceived *Ideas I* in a somewhat different way than

¹⁴ Cf. the remarks of Igor A. Mikhailov at a round table devoted to the publication of the Russian translation of Husserl’s *Logical Investigations* (Pruzhinin et al., 2025, p. 14).

Следует также принять во внимание, что ко времени разговора, о котором здесь идет речь, «Идеи I» уже были опубликованы: Шпет их внимательнейшим образом изучил и начал творчески «переводить» в свой философский тезаурус, создавая таким образом «Явление и смысл». Причем Шпет воспринимал «Идеи I» несколько иначе, чем ученики Гуссерля, которые намного дольше, чем Шпет, общались с ним непосредственно до выхода этой книги. Многие из них восприняли «Идеи I» с непониманием и сомнением (см.: Мотрошилова, 2006). Роман Ингарден вспоминал:

На семинаре 1913/1914 гг. мы читали их [«Идеи I»] вместе с Гуссерлем и слушали его комментарии к этой книге. И там, на семинаре, возникло определенное удивление. Это было не то, что мы ожидали. Вдруг мы читаем такие положения <...>: «Если мы вычеркиваем чистое сознание, то мы вычеркиваем мир» (!); «Если нет чистого сознания, то нет и мира» (!). Гуссерль многие годы учил нас: назад, к вещам, к конкретному, не к абстрактному, не к теориям и т.д.! Ближе к конкретному! — таков был лозунг. Вместо этого в Идеях I мы встречаем обширные анализы сознания, анализы внешнего, трансцендентного восприятия, основанные на рассуждениях о том, что является реальной (reeler) частью сознания, а что не является таковой. Затем мы встречаем требование проведения «феноменологической редукции» до того, как мы приступим к анализу сущности «самих вещей», а к «самим вещам» следует подходить только окольным путем, а именно путем анализа сознания (Ингарден, 1999, с. 9).

У Шпета не было такого «горизонта ожидания», и он находился в несколько ином контекстуальном положении, что отчетливо проявилось в его книге «Явление и смысл»¹⁴, а значит,

¹⁴ По мнению Н. В. Мотрошиловой «Шпет был среди совсем немногих тогда последователей феноменологии Гуссерля, кого тоже вдохновляли «Логические исследования», ибо он находил в раннем гуссерлевском сочинении немало основополагающих предпосылок для собственной философской работы, — и кому в то же время открылось фундаментальное значение и для феноменологии, и для философии в целом (относительно) новых гуссерлевских разработок» (Мотрошилова, 2006, с. 298).

Husserl's disciples who communicated with Husserl for much longer than Shpet before the publication of his book. Many of them reacted to *Ideas I* with puzzlement and doubt (cf. Motroshilova, 2006). Roman Ingarden (2012, p. 28) recalled:

During the 1913/1914 seminar we read them [*Ideas I*] together with Husserl and listened to his comments on the book. There was a sense of bewilderment. This was not what we had expected. All of a sudden we read such propositions as [...]: “If we cross out pure consciousness we cross out the world” (sic!); “If there is no pure consciousness there is no world (sic!)”. For years Husserl taught us: back to things, to the concrete, not the abstract, not to theories and so on! Closer to the concrete! — this was his motto. Instead, in *Ideas I* we find rambling analysis of consciousness, analyses of external, transcendental perception based on what is and what is not a real (*reeler*) part of consciousness. Then we are told to conduct “phenomenological reduction” before we get down to analyzing the essence of “things themselves”, and that “things themselves” should be approached in a roundabout way, that is, through analysis of consciousness.¹⁵

Shpet did not have such a “horizon of expectation” and he was in a somewhat different contextual position which clearly manifested it-

¹⁵ Cf. “Wir haben sie [i.e. Ideen zu einer reinen Phänomenologie (Band 1)] zusammen mit Husserl im Seminar 1913/14 gelesen und haben dabei auch seine Kommentare zum Buch gehört. Und da entstand im Seminar ein gewisses Staunen. Es war nicht das, was wir erwartet hatten. Auf einmal lasen wir Sätze [...] wie: ‘Streichen wir das reine Bewußtsein, so streichen wir die Welt’ (!); ‘Gibt es kein reines Bewußtsein, so gibt es keine Welt’ (!). Husserl hat uns viele Jahre gelehrt: Zurück zu den Sachen, zum Konkreten, nicht Abstraktionen, Theorien usw.! An das Konkrete heran! — das war die Lösung. Statt dessen trifft man in den Ideen I auf umfangreiche Analysen des Bewußtseins, der äußerer, [transzendenten] Wahrnehmung, auf Überlegungen, was reeller Teil des Bewußtseins ist und was kein solcher Teil von ihm ist. Und dann begegnet man der Forderung, vor der Analyse des [Wesens] der ‘Sachen selbst’ sei eine ‘phänomenologische Reduktion’ zu vollziehen, und zu den ‘Sachen selbst’ solle man erst auf einem Umwege, nämlich über die Analyse des Bewußtseins, kommen.”

такая позиция вполне могла оказывать влияние на его способы вопрошания в разговоре с Гуссерлем о Канте. Вспомним хотя бы эпизод с «чистым «я»», которое, как пишет Гуссерль в «Идеях I»,

живет в особом смысле во всяком актуальном *cogito*, однако и все переживания заднего плана принадлежат ему, а оно — им, и все они, принадлежа к одному и тому же — моему — потоку переживания, обязаны превращаться в актуальные *cogitationes* или же имманентно включаться в таковые; говоря языком Канта (не станем решать, в его ли смысле): ««Я мыслю» должно быть таким, чтобы оно могло сопровождать все мои представления».

Если после произведенного нами феноменологического выключения мира и принадлежащей к нему эмпирической субъективности у нас получается остаток — чистое «я» (если сделать здесь необходимые оговорки), причем для всякого потока переживаний принципиально отличное, то тогда, вместе с этим чистым «я», предлагается *своеобразная трансценденция*, — в известном смысле не конституированная, — *трансценденция в пределах имманентности* (Гуссерль, 2009, с. 178).

Шпет в «Явлении и смысле» предлагает следующее истолкование этого фрагмента¹⁵:

...интенциональность переживаний состоит именно в том, что сознание всегда есть сознание *чего-нибудь*, в самом общем значении восприятие есть восприятие *чего-нибудь*, суждение — суждение о *чем-нибудь*, оценка, любовь, деятельность и т.п., — все предполагает свое *что-нибудь*, на которое они направляются, все, что было обозначено выше, как *cogito* (Ideen... S. 168), которое (или так как

¹⁵ Здесь и далее, цитаты из «Явления и смысла» даны по изданию 2005 г., где текст сверен с личным шпетовским экземпляром, специально изготовленным М. А. Мамонтовым. Количество страниц в этом экземпляре в два раза больше, поскольку в нем содержатся пустые страницы для авторских дополнений и исправлений. В скобках даны ссылки на «Ideen I», сделанные Шпетом на полях карандашом.

self in *Appearance and Sense*,¹⁶ such that this position could well have influenced his queries in the conversation with Husserl about Kant. Suffice it to recall the “pure ego” episode, of which Husserl (1983, pp. 132-133) writes in *Ideas I*:

In every actional *cogito* the ego lives out its life in a special sense. But all mental processes in the background likewise belong to it; and it belongs to them. All of them, as belonging to the *one* stream of mental processes which is mine, *must* admit of becoming converted into actional *cogitationes* or incorporated into actional *cogitationes* as immanent constituents. In Kant’s words, “*The ‘I think’ must be capable of accompanying all my presentations*”.

If we retain a pure Ego as a residuum after our phenomenological exclusion of the world and of the empirical subjectivity included in it (and an essentially different pure Ego for each stream of mental processes), then there is presented in the case of that Ego a transcedency of a peculiar kind — one which is not constituted — a *transcedency within immanency*.

Шпет в *Appearance and Sense* offers the following interpretation of this fragment¹⁷:

[...] the intentionality of mental processes consists precisely in the fact that consciousness is always consciousness of *something*. In its most general signification perception is the perception of *something*, a judgment is a

¹⁶ In Nelly V. Motroshilova’s view, “Shpet was at the time one of the very few followers of Husserl’s phenomenology who was also inspired by *Logical Investigations* because he found in Husserl’s early work not a few fundamental prerequisites of his own philosophical work — and at the same time (relatively) new works of Husserl turned out to have fundamental significance for phenomenology and for philosophy as a whole (Motroshilova, 2006, p. 298).

¹⁷ Here and elsewhere quotations from *Appearance and Sense* have been checked against the 2005 edition which has been checked against Shpet’s personal copy, specially prepared by Mikhail A. Mamontov. This copy has twice as many pages because it contains blank pages for author’s additions and corrections. References to *Ideen I* (Husserl, 1913) made by Shpet on the margins in pencil are in brackets.

оно) и есть не что иное, как особый модус интенционального, интенциональность explicite (Ideen... S. 235), *акт* в широком смысле. Explicite интенциональное переживание есть некоторый «совершенный» акт cogito или, пользуясь выражением Канта, «ich denke» (Ideen... S. 236), — во всяком актуальном cogito направляется «наш» взор на «нечто», предмет, вещь, обстоятельство и т.д. (Ideen... S. 169) (Шпет, 2005, с. 85–86).

В дальнейшем Шпет сделает следующий шаг в сторону культурно-исторической трактовки «чистого сознания». Так, в «Сознании и его собственнике» (1916) он пишет:

...я есть, действительно, «вещь» среди вещей, и хотя оно не тождественно физической вещи, тем не менее совершенно точно оно выступает как *sui generis* трансцендентность. И Гуссерль сам говорит, что «чистое Я» ни в каком смысле не есть часть или момент переживания, не есть, следовательно, момент сознания, но тогда его можно характеризовать только как предметную трансцендентность. Гуссерль называет эту «своеобразную» трансцендентность «трансцендентностью в имманентности». Но уясняет ли сколько-нибудь дело это вычурное сочетание латинских слов? (Шпет, 2006, с. 298, ср.: Шпет, 2005, с. 88).

Понятно, что этот вопрос имеет здесь у Шпета риторический смысл, но он вполне мог его задать и в разговоре с Гуссерлем в 1913 г., когда в попытках Гуссерля отмежеваться от навязанной ему позиции «психологиста» увидел принципиальную социальную природу любой «чистой» вещи, а затем, вслед за Гегелем, истолковал «трансцендентность в имманентности» как «субъективированную объективность» / «объективированную субъективность», то есть понял, что «единство сознания» может быть как субъективным, так и коллективным (Шпет, 2006, с. 298). А то, что ученики Гуссерля восприняли в «Идеях I» как «поворот к идеализму» (Мотрошилова 2006, с. 295), Шпет расценивал как «эволюцию взглядов». И он это четко за-

judgment of *something*. Valuation, love, activity, etc. — all presuppose a respective *something* to which they are directed. Everything that was designated above as *cogito* (Ideen... S. 168), which (or since it) is nothing other than a special modus of the intentional, namely explicit intentionality (Ideen... S. 235), is an *act* in the broad sense. An explicit intentive mental process is a certain “effected” act of the *cogito*, or, to use an expression of Kant’s, of the “*ich denke*” (Ideen... S. 236). In every actional *cogito* “our” regard is directed to “something”, — an object, a thing, a circumstance, etc. (Ideen... S. 169) (Shpet, 1991, p. 56; cf. Shpet, 2005, pp. 85–86).

Subsequently Shpet takes another step toward a cultural-historical interpretation of “pure consciousness”. He writes in *Consciousness and Its Owner* (1916):

[...] the I is actually a “thing” alongside other things, although it is not the same as a physical thing. Nevertheless, it does precisely appear as a transcendence *sui generis*. Husserl himself says that the “pure Ego” is in no sense a part or moment of a lived experience. Consequently, it is not a moment of consciousness, but can be characterized then only as an objective transcendence. Husserl calls this “peculiar” transcendence a “transcendence in immanence”. But does this ornate combination of Latin terms provide any clarification of the matter? (Shpet, 2019, p. 191; cf. Shpet, 1991, p. 58)

Clearly, Shpet’s question here is rhetorical, but he may well have asked it in the conversation with Husserl in 1913, when, in Husserl’s attempts to distance himself from the position of a “psychologist” that had been imputed to him, he saw the fundamental nature of any “pure” thing and then, following Hegel, interpreted “transcendence in immanence” as “subjectivized objectivity” / “objectivized subjectivity”, i.e. realised that the unity of consciousness can be both subjective and collective (Shpet, 2006, p. 298). And Shpet considered

фиксировал в «Явлении и смысле»: «в “Логических исследованиях”, где идея феноменологии еще не реализуется во всей своей определенности и законченности, Гуссерль скептически решает вопрос о “чистом Я”, в опыте обоснования феноменологии, при установлении того, что может быть подвергнуто редукции, он свой взгляд меняет» (Шпет, 2005, с. 87).

И наверняка в том разговоре (а может, и в другом, ведь, судя по «Дневнику 1913 года» и по письмам 1914 г. к жене, Шпет неоднократно был приглашен к Гуссерлям на обед¹⁶ и посещал собрания феноменологов у Бруно фон Хайстера¹⁷) Гуссерль мог поделиться со Шпетом своим огорчением по поводу того, что его «Логические исследования» не были поняты. И вот тогда соответствующие записи Шпета в «Черных тетрадях» следует рассматривать как попытки найти причины этого непонимания:

[Гуссерля упрекают в психологизме тоже. А он сам даже отказывается от употребления в 1 издании термина «описательная психология», чтобы избегнуть недоразумений. И напрасно. Недоразумения возникли не из тер-

¹⁶ «Вчера был у Гуссерля два раза. Он очень занят, потому что — экзамены, но желает видеть меня все время свободное. Оба любезны очень. Говорили обо “всем”, немного и о моей книжке, — ему уже тут кое-что перевели и рассказали, но, видимо, не точно» (Густав Шпет..., 2005, с. 201); «Вчера опять был у Гуссерля, просидел весь вечер, но говорили больше “вообще”, потому что он был очень утомлен <...> Очень любопытно он рассказывал наблюдения (которые он даже записал, но чтобы было издано после смерти) над собственным творчеством. Он говорит, что может писать только, когда есть какое-то “наитие”, что, например, в его *Logische Untersuchungen* почти все написано по интуиции, только некоторые части он вставлял, чтобы вышло законченнее, и эти — самые неудачные» (Там же, с. 205); «Сейчас 6 часов и я только что вернулся от Гуссерля, а пошел к нему в 11 часов. Он читал мне свою статью о “Времени”, там обедал, потом говорили. Он хочет, чтобы я дал перевести книгу и прислал ему, он просмотрит, что не годится для немцев, и отметит. Но об этом поговорим. — Очень хорошо у него. Мы были большую часть в саду: *города ни капли, даже воздух “вредный” для меня!* Да, тут можно 90 лет жить и работать!» (Там же, с. 208–209).

¹⁷ Шпет фиксирует посещения собраний феноменологов у Бруно фон Хайстера в «Дневнике 1913 года».

what Husserl's disciples saw in *Ideas I* as “a turn toward idealism” (Motroshilova 2006, p. 295), to be an “evolution of views”. He stated it clearly in *Appearance and Sense*: “In the *Logical Investigations*, where the idea of phenomenology is not yet realized in all of its determinateness and completeness, Husserl resolved the problem of the “pure Ego” in a skeptical manner. He changes his view in attempting to ground phenomenology by determining what can be subjected to reduction” (Shpet, 1991, p. 57).

And certainly in that conversation (and perhaps in another conversation, since, judging from the “1913 Diary” and the 1914 letters to his wife, Shpet was more than once invited to lunch with the Husserls¹⁸ and attended meetings of phenomenologists at Bruno von Heister's¹⁹) Husserl may have shared with Shpet his dismay at the fact that his *Logical Investigations* had been misunderstood. If so, the corresponding entries in the “Black Notebooks” should be seen as attempts to get at the reasons for such misunderstanding:

¹⁸ “Was at Husserl's twice yesterday. He is very busy because of exams, but he wants to see me whenever he is free. Both are very amiable. Talked about “everything”, a little bit about my book — they have translated and told him something, but apparently not accurately” (Shchedrina, 2005, p. 201); “Was at Husserl's again yesterday, sat the whole evening, but talked mostly “in general” because he was very tired <...> He spoke very interestingly about his observations on his own work (which he even wrote down, but on condition that they should not be published until after his death). Says he can write only “on a whim”, for example, his *Logische Untersuchungen* was written almost entirely by intuition, he inserted only some parts to make it more complete, but these were the least happy parts (*ibid.*, p. 205); “It is 6 o'clock and I am just back from Husserl, and I left for his place at 11. He read to me his article about ‘Time’, he lunched there, then we talked. He wants me to have the book translated and send it to him. He will see what will not do for the Germans and mark it. But we'll talk it over. — It's very good to be at his place. We were in the garden most of the time: *not a drop of the city, not even the air that is not good for me!* Yes, one could live and work here for 90 years!” (*ibid.*, pp. 208-209).

¹⁹ Shpet writes about attending the meetings of phenomenologists at Bruno von Heister's in his “1913 Diary”.

мина, а из непонимания ее, а новый термин многие также не понимают, как и этот. Кричат: психологизм, психологизм! — Во-первых, надо тщательно определить, что это значит, а во-вторых — и это главное — указать, что опасного в психологизме, тогда окажется, может быть, что и допущенные «психологизмы» еще не беда, так как они не «опасные». — Психологизм можно сказать и про арифметику, потому что 2 по-русски «два», а по-немецки «Zwei», но как же вне этих «zwei» и подобных говорить?]¹⁸ — Описывается пусть даже и «психологическое», но что значит *Einklammerung*¹⁹. Иная цель, чем в философии! Конечно, она на предметном «различии», но описание идет по цели: для философской теории или для феноменологии? (Черные тетради, л. 286).

Именно эту мысль в уточненном варианте Шпет позднее включает во вторую часть «Истории как проблемы логики»:

Гуссерля упрекают в психологизме, хотя он сам себя считает до такой степени в нем неповинным, что ему кажется, что стоит только устраниТЬ указание на то, что феноменология — описательная психология, и все недоразумения будут тем самым устраниены тоже. Во втором издании своих «Логических исследований» он вычеркивает это определение. Конечно, напрасно: недоразумения возникли не из-за термина, а из-за непонимания, и всякий другой термин, как и основное заглавие «феноменология», могут быть так же не поняты, как это определение. Чтобы понять смысл упрека в психологизме, надо знать не только, что разумеют под этим, но в особенности надо указать, что опасного в психологизме, — тогда, может быть, окажется, что не все «психологизмы» опасны и что не всюду психологизм там, где кажется, что он есть, — ведь психологизм можно

¹⁸ Запись в квадратных скобках перечеркнута и к ней приведено указание: «А 11–12». При сравнении этой записи с рукописью, хранящейся в ОР РГБ (ф. 718, оп. 3, ед. хр. 1), выяснилось, что Шпет перенес запись из тетради с небольшими изменениями на указанные страницы. Ср. также в опубликованном варианте: (Шпет, 2016, с. 18).

¹⁹ Заключение в скобки (нем.).

[Husserl is also accused of psychologism. And he himself refrains from using the term “descriptive psychology” in the first edition to avoid misunderstandings. He needn’t have done that. Misunderstandings sprang not from the term, but from a failure to understand it, and many also misunderstand the new term like this one. They cry: psychologism, psychologism! — First, it is necessary to thoroughly define what it means, and secondly — and most importantly — to show what is wrong with psychologism, and then it may turn out that the “psychologisms” are no big deal because they are not “dangerous”. Psychologism can also be said about arithmetic because 2 in Russian is *dva* and in German *Zwei*, but how does one speak without these *zweis*?]²⁰ — What is described may even be “psychological” but what does *Einklammerung*²¹ mean? A different aim than in philosophy! Of course, it is an objective “difference” but description corresponds to the goal: for philosophical theory or for phenomenology? (“Black Notebooks”, sheet 286).

Шпет elaborates this idea later and includes it in part two of the *History as a Problem of Logic*:

Husserl is accused of psychologism although he considers himself to be so innocent of it that it is enough to withdraw the claim that phenomenology is descriptive psychology for all the misunderstandings to go away. In the second edition of his *Logical Investigations* he crosses out this definition. He did not need to do it of course: misunderstandings did not arise from the term but from a failure to understand, such that any other term, like the main title “phenomenology”, could just as well be misconstrued, like this definition. To understand the meaning of the charge of psychologism one has to know not only what is

²⁰ The note in square brackets is crossed out, with an indication “A 11–12”. A comparison of this entry with the manuscript kept at the Manuscript Department of the Russian State Library (f. 718, inv. 3, no. 1), has shown that Shpet had transferred the note from the notebook with slight changes to the pages indicated. Cf. also with the published version in Shpet (2016, p. 18).

²¹ “Putting in brackets” (German).

увидеть и в том, что «2» есть один раз «два», а другой — «zwei», и как же вне этих «zwei» и подобного говорить? (Шпет, 2016, с. 18)²⁰.

Исходя из проведенной реконструкции мы можем перевести тематику разговора Шпета и Гуссерля о Канте и феноменологии на язык современной нам философии науки. Принимая во внимание «кантовскую дилемму», «Abbildtheorie», а также проблемы психологизма и проблему «чистого «Я»», мы можем утверждать, что в центре их беседы фактически оказалась проблема действительности, то есть того, что есть и как это есть. Что есть «вещи» (предметы), к которым призывает вернуться Гуссерль²¹?

Нашу гипотезу подкрепляет еще одно архивное свидетельство: письмо Льва Исааковича Шестова, которое Шпет получил 22 октября 1913 г. В нем есть строки, имеющие прямое отношение к нашей реконструкции:

Что Гуссерль не доводит конца — это ведь *a priori* можно было знать. Для меня очевидно, что вопросы теории познания в *этой* плоскости не могут разрешиться. Недавно, по поводу одного рассуждения Аристотеля, я пересматривал «Критику Чистого Разума». И вдруг так мне ясно стало, когда я просматривал рассуждения Канта о *Beharrlichkeit der Substanz*, что в плоскости каких угодно понятий, иначе говоря, в пределах того, что мы фактически признаем «разумом», не может быть разрешения даже вопросов, относящихся к физике. Ведь то, что Канту казалось, — да и нам не так давно — немыслимым, теперь на наших глазах стало мыслимым — когда открыли радий. Я уже не говорю про Einstein'a и Минковского. А раз так, раз немыслимость противоположного ничего не доказывает, стало быть, тот residuum, о котором мечтает Гуссерль, бестеоретический — будет чисто формальным и, потому, не нужным (Густав Шпет..., 2005, с. 327)²².

²⁰ Оставшаяся часть записи из «Черной тетради» добавлена скорописью в сноска (Шпет, 2016, с. 18).

²¹ Этот вопрос Гуссерль задает в статье «Философия как строгая наука» (Гуссерль, 1911, с. 18).

²² В цитате исправлены ошибки, допущенные при расшифровке в первой публикации.

meant by it, but in particular to point out what makes psychologism *dangerous* — then perhaps it may turn out that not all “psychologisms” are dangerous and that psychologism does not necessarily exist where it seems to exist, for psychologism can be seen even in the fact that “2” is sometimes *dva* and sometimes *zwei* and how can one talk without these *zwei*’s? (Shpet, 2016, p. 18)²²

Proceeding from the above reconstruction, we can translate the theme of the conversation between Shpet and Husserl about Kant and phenomenology into the language of modern philosophical science. Keeping in mind the “Kantian dilemma”, *Abbildtheorie*, as well as the problems of psychologism and the “pure ego” we can safely say that the conversation in fact was focused on the problem of reality, i.e. on what exists and how it exists. What are the “things” (objects) to which Husserl urges us to go back?²³

Another piece of archival evidence that bolsters our hypothesis is the letter from Lev Shestov which Shpet received on 22 October 1913. It contains lines directly connected with our reconstruction:

What Husserl does not follow through to the end could be known *a priori*. To me it is obvious that the issues of the theory of cognition cannot be solved along *these* lines. Recently, I revisited the *Critique of Pure Reason* in connection with something from Aristotle. And it hit me, when I looked through Kant’s reasoning about *Beharrlichkeit der Substanz*, that in connection with any kind of concepts, in other words, within what we *de facto* consider to be “reason”, there can be no resolution even of questions pertaining to physics. For what seemed to be inconceivable to Kant — and indeed to us until recently — has become conceivable before our

²² The remaining part of the entry from the “Black Notebook” has been added by hand to the footnote (Shpet, 2016, p. 18).

²³ Husserl asks this question in the article “Philosophy as a Rigorous Science” (Husserl, 1965, p. 97).

По контексту письма ясно, что Шпет рассказывал Шестову о своих разговорах с Гуссерлем, и рассуждение Шестова в письме — это отклик на их разговор. По крайней мере, в «Черных тетрадях» Шпета сохранилась запись о «постоянстве субстанции»:

Ссылка на постоянство субстанции как на источник постоянного действия верна, поскольку речь идет именно об источнике действия. Но это ничего не говорит о необходимости «закона». Напротив, предположение субстанции есть предположение самоисточника действия, что «необходимостью» отрицается. «Необходимость» есть именно *отрицание* понятия источника самодействия. Материя не имеет его и материя в <действительности> есть только абстракция. Необходимость, следовательно, не причинная здесь, как *постоянство*, как постоянный источник действия, а абстрактная, и притом, от причины к субстанции. Принцип причинности объявляет только, что действие *всегда* будет, а о закономерности не может говорить, раз основан на постоянстве субстанции. «Необходимости» отдельных законов причинных суждений не вытекают из принципа причинности. Они действительно суть «идеальные» образования. — Таким образом, закон и причинность разные <...> образования. Поэтому и естественно стремление позитивистов брать причинность только феноменологически, как необходимую последовательность (Черные тетради, л. 285).

Шестов не отвечает на вопрос, который мы поставили выше, он лишь проблематизирует «действительность» (или вещи / предметы) из контекста научных открытий того времени. Он указывает на ее, если выражаться современным языком, «человекоразмерный» характер (см.: Пружинин, Щедрина, 2025). А вот Шпет в «Явлении и смысле» отвечает на поставленный вопрос: вещи, к которым призывает нас вернуться Гуссерль, — это «вещи опыта».

eyes — when they discovered radium. Not to speak of Einstein and Minkovsky. If so, inconceivability of the opposite does not prove anything, hence the residuum Husserl dreams of, as non-theoretical — would be purely formal and therefore unnecessary (Shchedrina, 2005, p. 327)²⁴.

It is clear from the context of the letter that Shpet told Shestov about his conversations with Husserl and that Shestov's remarks in the letter were a reaction to their conversation. At least there is a note on the “permanence of substance” in Shpet's “Black Notebooks”:

The reference to the permanence of substance as a source of constant action is valid because it has to do precisely with the source of action. But it says nothing about the necessity of the “law”. On the contrary, the presumption of substance is a presumption of action as its own source, which is negated by “necessity”. “Necessity” is precisely the *denial* of the concept of the source of self-action. Matter does not have it, and matter in <reality> is only an abstraction. “Necessity”, then, is here not causal, like *permanence*, like a constant source of action, but abstract, and it goes from cause to substance. The causality principle merely declares that an act will *always* be, but it cannot speak about regularity since it is based on the permanence of substance. “Necessities” of individual laws of causal judgments do not follow from the principle of causality. They are “ideal” entities. Thus, the law and causality are different <...> entities. So, it is natural for positivists to see causality only phenomenologically as a necessary sequence (Black Notebooks, sheet 285).

Shestov does not answer the question we asked earlier, he merely problematises “reality” (or things/objects) from the context of scientific discoveries of his time. He points to what today would be called its “human-sizedness” (cf. Pruzhinin, Shchedrina, 2025). But Shpet in *Appears*

²⁴ The quote corrects the errors that were made in deciphering the first publication.

Говоря о возможности для вещи быть предметом опыта, — рассуждает Шпет, представляя точку зрения Гуссерля, — мы имеем в виду не возможность, требуемую логическим законом противоречия, равно как и не каузально-субстанциальную обусловленность (*Ideen...* S. 89), а возможность самого действительного опыта, т.е. возможность, мотивированную в связях самого опыта. Пусть вещь не воспринимается нами в опыте актуально, но возможность быть предметом опыта обозначает для нее то, что она может войти в сферу актуальности, и стать данною; через мотивации связей опыта, она относится к неопределенному, но *определенному* горизонту актуального опыта (*Ideen...* S. 89), который всегда указывает и мотивирует, выходя за собственные пределы, новые возможные опыты и т.д. до бесконечности (*Ideen...* S. 90), — вещь, как предмет опыта, всегда есть вещь мира и «обстановки» (Шпет, 2005, с. 69).

Вот только сам Шпет понимает «опыт» не в кантовском смысле (как опыт субъекта), и даже не в гуссерлевском (как трансцендентальные (горизонтные) структуры возможного опыта, ведущие к смыслу), но как опыт исторический. Поэтому его вывод таков:

Таким образом, действительный мир, как и всякий возможный иной мир, мыслимы только в коррелятивном отношении к сознанию, — и это именно делает то, что феноменологическое исследование самого сознания никогда не остается *пустым*, а вместе с тем становится понятным, почему феноменологическое исследование мира действительного и других возможных миров не может быть смешиваемо с догматическим исследованием трансцендентных предметов, как это имеет место в специальных науках (Там же).

То есть для Шпета сознание всегда есть предмет «исторический», оно конкретно в этом смысле. Приведем еще одну, весьма показательную в этом отношении запись из «Черных тетрадей»:

ance and Sense does answer the question that has been put: the things to which Husserl calls us to return are “things of experience”. Representing Husserl’s viewpoint, Shpet (1991, p. 34) writes:

When we talk about the possibility of things being objects of experience, we have in mind not that possibility demanded by the logical law of non-contradiction nor do we have in mind causal-substantial conditionality (*Ideen...* S. 89). What we have in mind, rather, is the possibility of an actual experience itself, i.e., a possibility motivated in the concatenations of experience itself. Even if we do not apprehend a physical thing in experience at the present moment, the possibility of it being an object of experience denotes that it can enter into the sphere of being actually present and become given. Through the motivations of the concatenations of experience, the thing belongs to the undetermined but *determinable* horizon of actually present experience (*Ideen...* S. 89), which always points beyond and motivates, transgressing its own limits, to possible new experiences, etc. *ad infinitum* (*Ideen...* S. 90). A physical thing, taken as an object of experience, is always a physical thing of the world and of the “surroundings”.

Only, Shpet does not see “experience” in the Kantian sense (as experience of the subject) nor even in Husserl’s sense (as transcendental horizontal) structures of possible experience, leading to sense), but as historical experience. Hence his conclusion:

Thus the actual world, like any other possible world, is conceivable only in a correlative relationship to consciousness. This accounts for the fact that the phenomenological investigation of consciousness itself never remains *empty*. At the same time it is now understandable why the phenomenological investigation of the actual world and of other possible worlds cannot be confused with a dogmatic investigation of transcendent objects as happens in the specific sciences (*ibid.*).

Göttingen, Groner Ch., 22/I

1913 V 17 (4)

В том, что «материя», «материальный мир» — ничто, есть большая доля правды. Из этого «ничего» можно и кое-что *создать*, и оно само может явиться условием жизни и развития созидающего «духа». — Для этого нужно только признать, что *материя есть время* (но не *Z* — *материя*!). — Дух может существовать самобытно, из себя и через себя: пока он рассматривается в этом своем существовании — такое рассмотрение *индифферентно*. Но посмотрим на него, как на созидающего *себя*, — и это уже является условием, <чтобы> видеть его в его отношении к его «перед тем», к его «прошлому». Тогда и его сознание направляется на это прошлое, которое становится для него *объектом*. Но так как его (прошлого) уже *нет*, то оно ничто (= *материя*). — В этом смысле всякое наше изучение есть изучение самого духа в его прошлом: этот стол, дерево, и т.д. — мое прошлое, и как такое объект моего изучения. — Все познание есть познание прошлого, «история» — и все же дух стоит к этому прошлому как вечное (иначе не было бы и прошлого) и изучает себя в своей абсолютности через изучение этого прошлого в отношении к себе. — От того, что порожденное им прошлое стоит в отношении к нему, он не становится относительным, — это не движение А от Б, или обратно, — а порождение: рождающий же абсолютно рождает, иносителен только рожденный, следовательно, и дух был бы относительным, если бы был в свою очередь порожден, но он *causa sui* (Черные тетради, л. 281).

Уже тогда (в 1913 г.) Шпет фактически предвосхитил (увидел умственным взором) дальнейший путь Гуссерля к «жизненному миру» и историзму²³. И кто знает, может быть, именно

²³ Следует иметь в виду и то, что «историзм бывает в явном и неявном виде, и с ним также нужно разбираться в плане терминологии. Терминологический анализ исходит прежде всего из базисного различия, а именно, что одно и то же слово может выражать разные термины». См. выступление В. И. Молчанова на круглом столе, посвященном проблемам современной феноменологии (Пружинин и др., 2024, с. 9).

In other words, for Shpet consciousness is always a “historical” subject and in that sense is concrete. Let us cite one more telltale entry from the “Black Notebooks”:

Göttingen, Groner Ch., 22/I

1913 V 17 (4)

There is a large grain of truth in that “matter”, “the material world” are nothing. From this “nothing” something can be *created* and it may be the condition of the life and development of the creative “spirit”. All that is needed for this is to recognize *that matter is time* (but not *Z* is matter!). The spirit may exist by itself, out of itself and through itself: as long as it is contemplated in such existence, such contemplation is *indifferent*. But if we look at it as being conscious of *itself* — that is already a condition for seeing it in its relation to “before”, to its “past”. Then its consciousness is directed to the past, which becomes the *object* for it. But since it (the past) is no longer there it is nothing (= matter). — In that sense all our research is the research of the spirit itself in its past: this table, tree, etc. — my past, and as such an object of my research. — All cognition is cognition of the past, “history” — and yet the spirit relates to this past as eternal (otherwise there would be no past) and studies itself in its absoluteness through the study of the past in relation to itself. The fact that the past it has generated is related to it, does not make it relative, this is not movement from A to B, or back, this is generation: the generating generates absolutely and only the generated is relative, consequently, the spirit, too, was relative, and if it in turn were generated it is *causa sui* (“Black Notebooks”, sheet 281).

Already then (in 1913) Shpet effectively anticipated (in his mind’s eye) Husserl’s future journey toward the “life world” and historicism.²⁵ And who knows, perhaps this conversation with Shpet about “Kant and phe-

²⁵ It has to be borne in mind that “historicity can be overt or disguised and it could do with some sorting out of terminology. Terminological analysis recognises that one and the same word may express different terms”. See remarks by Viktor I. Molchanov at a round table devoted to the problems of modern phenomenology (Pruzhinin et al., 2024, p. 9).

тот разговор со Шпетом о «Канте и феноменологии» позволил Гуссерлю задуматься о философско-методологических перспективах феноменологии.

Благодарности. Благодарим Игоря Анатольевича Михайлова за профессиональные консультации и критическое обсуждение первой редакции текста статьи. Исследование И. О. Щедриной осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Список литературы

Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос. 1911. Кн. 1. С. 1–56.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / пер. с нем. А. В. Михайлова ; вступ. ст. В. А. Куренного. М. : Академический проект, 2009.

Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 1 : Прологомены к чистой логике / пер. с нем. Э. А. Бернштейн ; под ред. С. Л. Франка ; новая ред. Р. А. Громова и В. И. Молчанова. М. : Академический проект, 2024а.

Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2, ч. 1 : Исследования по феноменологии и теории познания / пер. с нем. В. И. Молчанова. М. : Академический проект, 2024б.

Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2005.

Ингарден Р. Введение в феноменологию Гуссерля. М. : Дом интеллектуальной книги, 1999.

Кант И. Критика чистого разума / пер. Н. О. Лосского. СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1907.

Михайлова И. А. Кантианская и антикантианская философия языка // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 3. С. 47–80. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-3-4>.

Мотрошилова Н. В. Работа Густава Шпета «Явление и смысл» как веха в развитии русской феноменологии // Историко-философский ежегодник – 2006. М. : Наука, 2006. С. 294–305.

nomenology” prompted Husserl to spare a thought for philosophical-methodological prospects of phenomenology.

Acknowledgements. Thanks are due to Igor A. Mikhailov for his expert consultations and critical review of the first version of this article. The research of Irina O. Shchedrina was carried out as part of the Fundamental Research Program of the National Research University Higher School of Economics.

References

Heidegger, M., 2001. *Phenomenological Interpretations of Aristotle: Initiation into Phenomenological Research*. Translated by R. Rojcewicz. Bloomington: Indiana University Press.

Husserl, E., 1913. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch. *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung*, 1(1), pp. 1-323.

Husserl, E., 1965. Philosophy as Rigorous Science. In: Q. Lauer, ed. 1965. *Phenomenology and the Crisis of Philosophy*. New York: Harper & Row, pp. 71-147.

Husserl, E., 1983. *Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. First Book: General Introduction to a Pure Phenomenology*. Translated by F. Kersten. The Hague: Martinus Nijhoff.

Husserl, E., 2001a. *Logical Investigations. Volume 1*. Edited by D. Moran, translated by J. N. Findlay. London: Routledge.

Husserl, E., 2001b. *Logical Investigations. Volumes 2*. Edited by D. Moran, translated by J. N. Findlay. London: Routledge.

Ingarden, R., 2012. Einführung in die Phänomenologie Edmund Husserls: Osloer Vorlesungen (1967). In: R. Ingarden, 2012. *Gesammelte Werke. Volume 4*. Edited by G. Haefliger. Berlin: De Gruyter.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Mikhailov, I. A., 2024. Kantian and Anti-Kantian Philosophy of Language. *Kantian Journal*, 43(3), pp. 47-80. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-3-4>

Motroshilova, N. V., 2006. Gustav Shpet's Work “Appearance and Sense” as a Milestone in the Development of Russian Phenomenology. *History of Philosophy Yearbook* 2006, pp. 294-305. Moscow: Nauka. (In Rus.)

Пружинин Б. И., Артеменко Н. А., Белоусов М. А., Васильев В. В., Курилович И. С., Михайлов И. А., Молчанов В. И., Паткуль А. Б., Резниченко А. И., Савин А. Э., Чернавин Г. И., Шестова Е. А., Щедрина Т. Г. Феноменология сегодня: исторические проблемы и современные тенденции. Возвращаясь к дискуссии 1988 года (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2024. № 10. С. 5–39.

Пружинин Б. И., Артеменко Н. А., Белоусов М. А., Васюков В. Л., Коначева С. А., Курилович И. С., Михайлов И. А., Молчанов В. И., Паткуль А. Б., Савин А. Э., Шестова Е. А., Щедрина Т. Г. «Логические исследования» Эдмунда Гуссерля. К выходу в свет первого полного перевода на русский язык (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2025. № 7. С. 5–36.

Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Человекоразмерность в современной науке // Вопросы философии. 2025. № 11. С. 33–43.

Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля (Экспозиция герменевтической ситуации) / пер. с нем., предисл., науч. ред. Н. А. Артеменко. СПб. : Гуманитарная Академия, 2012.

Шпет Г. Г. Явление и смысл // Шпет Г. Г. Мысль и Слово. Избр. труды / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2005. С. 35–188.

Шпет Г. Г. Сознание и его собственник // Шпет Г. Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2006. С. 264–310.

Шпет Г. Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Часть вторая. Архивные материалы. Реконструкция Татьяны Щедриной / отв. ред.-сост., вступ. ст., реконструкция Т. Г. Щедрина ; коммент., археограф. работа Т. Г. Щедрина, И. О. Щедрина. М. ; СПб. : Университетская книга, 2016.

Щедрина Т. Г., Щедрина И. О. Иммануил Кант в исторической философии Густава Шпета // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 3. С. 124–151. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-3-5>.

Nieraad J. Abbildtheorie // Historisches Wörterbuch der Philosophie / hrsg. von J. Ritter. Basel : Schwabe & Co, 1970. Bd. 1 : A–C. Sp. 1–3.

Nieraad, J., 1970. Abbildtheorie. In: J. Ritter, ed. 1970. *Historisches Wörterbuch der Philosophie. Volume 1: A–C*. Basel: Schwabe & Co. Sp. 1–3.

Pruzhinin, B. I., Artemenko, N. A., Belousov, M. A., Vasiliev, V. V., Kurilovich, I. S., Mikhailov, I. A., Molchanov, V. I., Patkul, A. B., Reznichenko, A. I., Savin, A. E., Chernavin, G. I., Shestova, E. A. and Shchedrina, T. G., 2024. Phenomenology Today: Historical Problems and Contemporary Trends. Returning to the 1988 Discussion (Round Table Materials). *Voprosy filosofii*, 10, pp. 5–39. (In Rus.)

Pruzhinin, B. I., Artemenko, N. A., Belousov, M. A., Vasyukov, V. L., Konacheva, S. A., Kurilovich, I. S., Mikhailov, I. A., Molchanov, V. I., Patkul, A. B., Savin, A. E., Shestova, E. A. and Shchedrina, T. G., 2025. Edmund Husserl's "Logical Investigations". On the Occasion of the First Complete Translation into Russian (Round Table Materials). *Voprosy filosofii*, 7, pp. 5–36. (In Rus.)

Pruzhinin, B. I. and Shchedrina, T. G., 2025. Human-Sizedness in Modern Science. *Voprosy filosofii*, 11, pp. 33–43. (In Rus.)

Shchedrina, T. G., ed. 2005. *Gustav Shpet: zhizn' v pis'makh. Epistoljarnoe nasledie* [Gustav Shpet: Life in Letters. Epistolary Heritage]. Moscow: ROSSPEN. (In Rus.)

Shchedrina, T. G. and Shchedrina, I. O., 2022. Immanuel Kant in the Historical Philosophy of Gustav Shpet. *Kantian Journal*, 41(3), pp. 124–151. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-3-5>

Shpet, G., 1991. *Appearance and Sense. Phenomenology as the Fundamental Science and Its Problems*. Translated by T. Nemeth. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.

Shpet, G., 2019. Consciousness and Its Owner. In: G. Shpet, 2019. *Hermeneutics and Its Problems. With Selected Essays in Phenomenology*. Edited and translated by T. Nemeth. Cham: Springer Nature Switzerland AG, pp. 153–205.

Shpet, G. G., 2005. Appearance and Sense. In: G. G. Shpet, 2005. *Mysl' i Slovo. Izbrannye trudy* [Thought and Word. Selected Works]. Edited and commented by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp. 35–188. (In Rus.)

Shpet, G. G., 2016. *Istorija kak problema logiki: Kriticheskie i metodologicheskie issledovaniya. Chast' vtoraja. Arkhivnye materialy* [History as a Problem of Logic: Critical and Methodological Studies. Part two. Archival Materials]. Edited and commented by T. G. Shchedrina; archival work by T. G. Shchedrina and I. O. Shchedrina. Moscow & St. Petersburg: Universitetskaja kniga. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

Об авторах

Татьяна Геннадьевна **Щедрина**, доктор философских наук, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; Институт философии РАН, Москва, Россия.

E-mail: tannirra@yandex.ru

Ирина Олеговна **Щедрина**, кандидат философских наук, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: echiscar@yandex.ru

Для цитирования:

Щедрина Т. Г., Щедрина И. О. Почему Шпет и Гуссерль беседовали о Канте? (По материалам архива) // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 3. С. 110–129.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-3-4>

© Щедрина Т. Г., Щедрина И. О., 2025.

The authors

Prof. Dr Tatiana G. **Shchedrina**, Moscow Pedagogical State University (MPGU), Moscow, Russia; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: tannirra@yandex.ru

Dr Irina O. **Shchedrina**, HSE University, Moscow, Russia.

E-mail: echiscar@yandex.ru

To cite this article:

Shchedrina, T. G. and Shchedrina, I. O., 2025. Why Did Shpet and Husserl Talk about Kant? (Based on Archive Materials). *Kantian Journal*, 44(3), pp. 110-129. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-3-4>

© Shchedrina T. G., Shchedrina I. O., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))